

Красный Квадрат

Машка и Мишка... Язык не поворачивается называть их как-нибудь более округло, например, Маша и Миша, или уж совсем официально - Мария и Михаил. Это не про них, просто не подходит, как зелёный галстук к красной рубашке. А по характеру они именно Машка и Мишка, - раздолбай, талантливые и увлекающиеся, но без царя в голове.

Мишка - мой ровесник и дальний родственник. По специальности археолог. В те годы, а это был конец восьмидесятых, работал в большом художественном музее в столице. Пробился к этой специальности и работе, несмотря на все доперестроечные заморочки. Закончив школу с золотой медалью, поступал в Московский университет, но был бессовестно провален вместе с почти всеми представителями нетитульной нации, так что вынужден был первый год учиться на вечернем и прятаться от военкомата, а потом всё же смог очаровать нескольких преподавателей нетривиальностью и глубиной своих знаний, победил за явным преимуществом в конкурсе старшекурсников на лучшую исследовательскую работу, за что и был со скрипом переведён на дневное. Ещё с восьмого класса каждое лето Мишка проводил в археологических экспедициях, постепенно поднявшись в иерархии раскопочных групп с самого низа - мальчика на побегушках, до начальника. После трёхмесячных экспедиций возвращался заросший и загорелый, неделю-другую пугал всех своим диким видом, а потом окультуривался и начинал подчиняться законам человеческого общежития. Его научная деятельность крутилась вокруг бронзы - ему, видимо первому, пришла в голову идея проанализировать точный состав примесей в бронзовых изделиях, найденных в различных местах Средиземноморья, и сравнить это с географией и характеристиками известных месторождений. Выводы оказались достаточно революционными. Раньше считалось, что города-страны Средиземноморья жили достаточно обособленно, а Мишка доказал, что они всю торговали друг с другом разными бронзовыми штучками, и покрыл карту Чёрного и Средиземного морей плотной сеткой пунктирных линий, соединяющих например, даже такие отдалённые точки как Тунис и Крым. На каком-то застолье Мишка признался, что для него жизнь двухтысячелетней давности намного более понятна и приятна, и вспомнить, как добраться от рынка до амфитеатра в каком-нибудь античном городе, занимает у него существенно меньше времени, чем аналогичная операция в современной Москве.

Его жена Машка была творческой натурой. Она была способна сотворить что-нибудь высокохудожественное из минимальных подручных средств, и если бы не природная ленность, могла бы достичь очень многого. Но она была ленива, и большую часть времени проводила в созерцательных размышлениях. Время от времени ею вдруг овладевала жажда деятельности, и из каких-то кусочков бумаги, тряпочек и веточек сооружалась, сплеталась и выкрашивалась какая-то невероятная инсталляция, подвешиваемая на стену, и вызывающая восхищение всех гостей. Когда это творение почему-либо отрывалось и падало, оно безжалостно выбрасывалось в мусор. Каждый такой творческий подвиг духовно изматывал Машку, и она снова впадала в анабиотическое состояние. Одежду Машка творила для себя сама, не ограничивая своей фантазии и

никогда не повторяясь, добивалась совершенно потрясающего эффекта - при своей немного простовато-грубоватой внешности она с первого взгляда производила впечатление тонкого и легкоранимого существа, нуждающегося в очень бережном обращении. Так с ней Мишка и обращался.

Когда я приезжал по научным делам в Москву, я останавливался у Мишки с Машкой. Мне было уютно сидеть до глубокой ночи на их кухне, выпивать и спорить по самым разным поводам, - не было темы, по поводу которой у них не было мнения и аргументов. Ну и библиотека конечно, - у Мишки была великолепная по тем временам коллекция альбомов репродукций, он их мог покупать в музейном книжном магазине, а так как я спал в библиотеке, то у меня была возможность их полистать перед сном.

В этот приезд я застал Машку дома одну, - Мишка был в командировке по каким-то археологическим делам. Машка сидела на кухне, раковина была заполнена невымытыми тарелками, холодильник был подключен к сети без всякой необходимости - был абсолютно пуст. Машку мучила совесть. "Так дальше жить нельзя," - сообщила она мне. "Сегодня готовимся, а завтра - воскресенье, едем на рынок и продаём иностранцам изделия народных промыслов, потом на вырученные деньги начинаем бороться с депрессией". Я обрадовался перспективе как первого, так и второго, и пожелал увидеть ассортимент художественных изделий, которым мы хотим потрясти иностранцев. "Ты не понял," - сказала Машка. "Мы сейчас что-нибудь сварганим такое древнерусское, а потому и приятное глазу иноземца, забредшего на российские просторы". Мне ничего не оставалось, как безоговорочно подчиниться. Вялая до этого Машка, начала со огромной скоростью перемещаться по кухне, покрыла стол старыми газетами, на которые водрузила какие-то баночки, кисточки, тюбики и другие необходимые для творчества аксессуары. Три старые кухонные разделочные доски, со следами, оставленными временем и немногочисленными касаниями ножа, на моих глазах стали покрываться картинками сельской жизни. Среди домиков, равномерно разбросанных по площади, гуляли в непомерных количествах разные очень упитанные домашние животные. Из труб валил белый дым. Колосились поля. Продовольственная программа была досрочно выполнена. Особенно хороши были петушки. Их Машка расставила по периметру, их пышные хвосты были в огненно-жёлтых завитушках, а радостно воздетые к небу клювы возвещали о наступлении зари. В общем, оптимистично очень получилось.

Тут Машка призналась, что в деревне была разве-что проездом, и попросила меня оценить аутентичность нарисованной живности. Мой опыт деревенской жизни был несколько богаче, я ездил со студентами в колхоз, и хотя те коровы, которых я видел там, были существенно более худыми и далеко не с такими очаровательными мордашками, как на Машкиных картинках, взял грех на душу и поклялся, что ну всё один к одному, просто не отличишь. После некоторых колебаний, Машка поручила мне морить готовые доски палитурой. Я был счастлив, сбылись мои детские мечты, я - почти художник. Нанося размашистыми движениями бесцветную жидкость на поверхность досок, я разворачивал перед Машкой теорию, в соответствии с которой каждый, кто касается даже своим дыханием произведения искусства до того момента, как оно готово, наносит на него отпечаток кусочка своей души, который хоть и

невидим, но ощущаем. Для сравнения рассказал о гомеопатических теориях, в которых в конечном продукте лекарства, после многочисленных разбавлений, уже и не остаётся, а вот лечебные свойства не исчезают.

Оставив существенный отпечаток куска своей души на разрисованных досках, я поставил их сушиться. "Да," - подумал я. "Хотел бы посмотреть я на иностранца, который не купит такого". Не далее, как следующим утром, моё желание исполнилось. Стоя в ряду торговцев на художественном рынке возле метро "Измайловская", я смотрел на многочисленных проходящих мимо иностранцев, которые такого не покупали. Машка оставила меня одного и надолго пропала, приветствуя своих многочисленных знакомых, разбросанных по всему рынку. Я был очевидно плохим продавцом. Потенциальные покупатели цеплялись взглядом за пейзажи на досках. Их лица смягчались, они мысленно переносились на бескрайние российские просторы, незапятнанные цивилизацией. Их взгляд скользил вверх, и, о ужас, вместо того, чтобы уткнуться в такой же, как природа, чистый и открытый взгляд, им приходилось нырять в пучины печали и тоски. Как говорил Юрий Сенкевич: "В следующем сюжете нашего клуба мы перенесёмся на Ближний Восток, туда, где можно идти по бескрайней пустыне несколько дней, прежде чем встретишь человека". Покупатели, видя меня, удивлялись, расстраивались, и, считая, что ещё не прошло обещанных Сенкевичем нескольких дней, уходили без покупки. Нужно было менять тактику.

Я отошёл в сторону, оставив доски наедине с покупателями, повернулся боком и, кося на доски одним глазом, завёл неторопливую беседу со стоящими рядом продавцами. Это были два молодых человека, похожие на Чука и Гека с обложки детской книжки. Круглолицые и улыбчивые, они излучали уверенность в завтрашнем дне. То есть они знали в точности, что завтрашний день начнётся с похмелья, которое будет быстро сведено на нет, и они опять будут писать картины маслом, чтобы заработать деньги в следующее воскресенье, и так до скончания века, день за днём, воскресенье за воскресеньем. Чук и Гек были "малыми голландцами". По их словам, они писали одну малую голландскую картину в день. Обязанности распределялись следующим образом: Чук рисовал подмалёвку - общую композицию, но деталей не прорисовывал; Гек, в свою очередь, по всему ранее нарисованному "равешивал фитюлечки". В углу картины ставилась подпись "Ван Рейсдель", и изделие объявлялось готовым. Последним этапом была лакировка и искусственное старение с помощью хитроумно наносимых морщин. Кто этим занимался, было непонятно, - и я, со своим свежим опытом травления политуры, в фантазиях уже видел себя с морилкой около мольберта, в доме возле речки, плотины и ветряной мельницы.

Как с другой стороны от картонной коробки, на которой были выложены наши доски, образовался Санёк, я не заметил. Когда я вернулся к бездарному исполнению обязанностей продавца, Санёк сообщил мне, что он Машкин дружок, и она послала его ко мне с просьбой поделиться частью импровизированного прилавка. Просьба Машки была для меня, как приказ. Санёк оказался разговорчивым. В его внешности не было ничего запоминающегося, он был из таких, мимо которых проходишь на улице, а через секунду не можешь и сказать, блондин он или брюнет, высокий или маленький.

Видимо понимая это, Санёк носил серёжку в левом ухе. В серёжке блестел какой-то маленький блестящий камешек глубокого зелёного цвета. В то время такие украшения у мужчин встречались крайне редко, я решил, что только настоящие художники могут позволить себе такое. Санёк продавал картину Пинтурикьо "Портрет молодого человека", копию сделанную им самим. Техника рисования у него была потрясающая, малейшие детали были точно прорисованы. В картине был один недостаток, - на месте лица сияло большое белое незарисованное пятно. Санёк признался, что просто не успевал дописать всю картину к воскресенью, а деньги ох как нужны. Вот и решил он оставить молодого человека без лица. Это, по его мнению, тянуло на концептуальный прорыв. Проведя сравнительный анализ себя с Пикассо, который копировал портреты королевской семьи Гойи, каждый раз внося отсебятину, Санёк поделился своими творческими планами написания копий известных портретов разных эпох, на которых не будет лиц, а будут только одежда и фоновый пейзаж. Долго объяснял, что в этих компонентах гений автора проявляется не меньше, чем в рисовании лица, а он, своими безлицыми произведениями, даст возможность насладиться этим без помех. На вопрос о сложности копирования, сказал, что у него очень хорошая зрительная память и поэтому делает он копии быстро, и кроме того, он старается копировать картины разных стилей и эпох, так как это заразное, и если он копирует подряд несколько картин одно и того же художника, то потом, когда он пишет своё, а это он делает время от времени, у него получаются неизвестные картины этого художника. Скоро появилась Машка, моментально продала доски, и мы отправились делать закупки на вечер.

Санёк появился и вечером. Почти не ел и не выпивал, но, проникшись ко мне доверием, излагал своё творческое кредо. Санёк был "лучистом". В соответствии с теорией, развитой в десятых годах двадцатого века Гончаровой и Ларионовым, художник должен рисовать не предмет, который мы на самом деле не видим, а исходящие из него лучи. "При этом предмет исчезает, а сумма лучей передаёт его сущность," - говорил Санёк. "Чтобы проникнуть в сущность предмета, надо вживаться в него, не всякому это открывается. Думаешь копировать картины авангардистов проще, чем Леонардо? Да если ты не вжился, не просуммировал лучи, любой любитель тебя изобличит." На протяжении всей нашей беседы, Санёк орудовал маленьким перочинным ножиком, перед ним высилась горка веточек, палочек, бумажечек и кусков картона, проходившая процесс какой-то непонятной обработки. Санёк попросил у Машки клея БФ-2, поколдовал над горкой и выставил на стол маленький трёхмачтовый кораблик с парусами, и даже стоящим на палубе картонным капитаном. Потом Санёк вышел с кухни, долго не появлялся, Машка начинала проявлять признаки беспокойства, нашла его в кресле в комнате в полубессознательном состоянии. Приехавший врач скорой помощи показал нам исколотый сгиб руки, объяснил, что это передозировка, вколол что-то, после чего Санёк спокойно уснул.

"А чем он занимается?"- спросил я у Машки. "Ну, точно никто этого не знает, а он сам не очень распространяется,"- сказала Машка. "Хотя ходят кое-каие слухи". По словам Машки выходило, что Санёк служит в какой-то сверхсекретной организации, то ли в органах, то ли во внешней разведке. Они его особенно не тревожат, на работу постоянно ходить не заставляют, но иногда запрягают на полную катушку. Уйти он оттуда никуда не может, даже, если бы

и захотел. Зная, что он наркоман, они его от милиции отмазывают, а если панодобится, то и дозу подбрасывают. "А зачем разведке художники?" - наивно поинтересовался я. - "Понятия не имею. Наверное нужно им какое-то тонкое оборудование для разных шпионских целей. А Санёк ведь - Левша. Может он блох подковывает микрофонами для прослушивания."

Утром Санёк был свеж, долго, прикрывая рот рукой, шептался с кем-то по телефону. Через некоторое время к дому подъехала служебная "Волга", которая и укатила Санька в неизвестном направлении.

Через пару лет и я укатил, сначала на поезде, а потом на самолете, в известном направлении, где, если бы я умел рисовать, я мог бы продавать расписные доски с местными пейзажами, не вызывая шока у покупателей.

Не так давно, уже в наше время, нас со Спутницей занесло в Париж. У меня были какие-то научные дела в одном университете, с которыми я быстро расправился. Оставалось ещё несколько дней на культурную программу. Жили мы в небольшом отеле между Елисейскими Полями и Парком Монсо, на улице Фобург-Сент-Оноре. В поисках чего-нибудь интересного, я листал страницы "Парископа", еженедельного журнальчика с рекламой выставок, спектаклей и фильмов. Моё внимание привлекла заметка, набранная петитом: "Выставка русского авангарда начала 20-го века". До закрытия выставки оставалось два часа, но галерея была в пятнадцати минутах ходьбы от гостиницы, возле Ронд Пуа, так что мы успевали. По адресу, указанному в рекламе, мы нашли большие ворота с маленькой калиткой, через которую попали во дворик. Напротив входа, с другой стороны дворика, за большой застеклённой витриной находилась галерея. В галерее никого не было, но когда мы вошли, звякнул колокольчик, и из подсобки вышел владелец галереи. Это был седой импозантный мужчина, среднего роста, с кожей тёмного цвета, которая выдавала в нём уроженца южных широт.

На нём была артистическая рубашка цвета светлого мрамора с тёмно-серыми прожилками. Проследив за взлядом Спутницы, я увидел, что на рубашке отсутствует одна пуговица. "Вот ведь,"- подумал я. "Я всех воспринимаю целиком, а Спутница, стоит ей бросить взляд, каждую детальку разглядит, ничего не упустит. Да и с её абсолютным слухом, запишет ещё и его голос во внутренний магнитофон, так что и услышав его через десять лет, вспомнит, где и при каких обстоятельствах они встретились."

Владелец галереи приглашающим жестом подозвал нас к большой стене, на которой были развешены картины. Выставка была небольшой, картин двадцать, но все высочайшего уровня. Особенно хороши были полотна Гончаровой и Ларионова. Несколько картин были написаны в 1913-м году, когда они увлекались лучизмом. На них лучи света разных цветов образовывали странные завораживающие комбинации, напоминающие какие-то хорошо знакомые образы. "Месяе знаком с творчеством Мадам Гончарова?" - с ударением на последнем слогe спросил галерейщик. "К сожалению не настолько, как хотелось бы. Кстати, насколько мне известно, художница приходилась внучатой племянницей Наталье Гончаровой, жене Александра Пушкина." Мне не показалось, что имя Пушкина вызвало у галерейщика какую-то реакцию. "А

знаете ли Вы, что Гончарова с Ларионовым ещё до революции 17-го года переехали во Францию, где и жили до самой смерти в конце 50-х? Конечно ничего сравнимого с работами 13-го года они уже не смогли создать," - отпарировал владелец галереи. "С вашего позволения я оставлю Вас на некоторое время, чтобы не мешать Вам полюбоваться картинами." Из подсобного помещения донёсся сладковатый запах дыма. "Как в амстердамском кофе-шопе," - отметила чувствительная к запахам Спутница.

Через десять минут владелец галереи вернулся. "Меня зовут Виктор (с ударением на последнем слоге). А позволительно ли будет поинтересоваться, где в России проживают господа?" Мы объяснили, что уже давно живём не в России, а в Израиле.

Виктор разволновался. "Я тоже еврей," - радостно запричитал он, - "Моя семья из Туниса." - "А откуда же Ваше увлечение русской живописью?" - "С удовольствием Вам расскажу, давайте только присядем к этому столику."

Виктор родился в семье еврейских эмигрантов из Туниса. В семье соблюдали традиции, он носил кипу и учился в религиозной школе. Он всегда чувствовал, что способен на большее, и с юношеским максимализмом искал подвиги, для которых уже освободил место в жизни. Однажды, когда Виктор учился уже в выпускном классе, к ним в школу пришёл раввин. Раввин рассказал им о бедственном положении евреев в Советском Союзе. По словам раввина, главной проблемой советских евреев было отсутствие священных книг и комментариев, без которых советские евреи просто гибли, может быть и не физически, но духовно точно. А ещё раввин сказал, что есть ещё в нашем народе герои, которые с риском для жизни провозят через границу книги, да благослоСан их Всевышний. "Вот оно!" - решил Виктор. В отличие от многих ровесников, Виктор умел ждать. Посоветовавшись с раввином, он записался во французский союз коммунистической молодёжи, и, хорошо зарекомендовав себя, через год оказался в составе группы союза, направлявшейся в Ленинград для обмена опытом и братания. Перед выездом он забрал у раввина чемодан с книгами. Старый папа (с ударением на последнем слоге) Виктора был недоволен этой поездкой и боялся, что что-нибудь может случиться. "Сынок," - сказал он. "Современная молодёжь не слушается старших, и я знаю, что мне не удастся отговорить тебя от этого путешествия. Но прошу тебя, сын мой, будь осторожен. Ты не знал жизни, в которой евреи боялись всего, включая погромы. Кажется ты едешь в такое место, где, как считают умные люди, это происходило и может произойти в любой момент, пока там есть хоть один еврей. Так что будь очень осторожен." С этими словами, отец передал Виктору брючный ремень с полостью внутри, в которую вложил тысячу долларов бумажками. "Разные бывают обстоятельства. В Тунисе нужно было всегда иметь при себе какую-то сумму денег, чтобы откупиться от властей. И в России так тебе будет спокойней" - сказал он. Виктору не удалось отказаться от ремня, и отец даже взял с него слово, что он не будет его снимать ни на секунду. Так что, когда Виктор с ремнём, чемоданом и группой французских комсомольцев пересекал границу СССР, только удача спасла его от досмотра и разоблачения.

Удача сопровождала его и в дальнейшем. Выполнив интернациональный долг, и получив свободное время на осмотр Ленинграда, Виктор вместо Эрмитажа

поспешил по адресу, который ему дал раввин, где и передал чемодан. В квартире, куда он пришёл, находилось несколько человек, из которых один старик свободно говорил на французском. Он пригласил Виктора зайти к нему в гости этим же вечером.

Старик жил в старой коммунальной квартире с высоченными потолками с добрым десятком соседей. Обстановка в его комнате была очень бедной. Он предложил Виктору чай с сухариками и долго рассказывал о том, как он до революции учился в Женеве. Наконец решившись, он спросил у Виктора: "Скажите, молодой человек, а деньги у Вас есть?" Гены многих поколений тунисских торговцев очнулись от спячки. На такой вопрос нельзя было отвечать ни утвердительно, ни отрицательно. Поэтому Виктор пробормотал что-то неопределённое. Типа, если будет что-то стоящее, так отыщутся. Старик продолжал: "Молодой человек, я хочу предложить Вам весьма выгодную сделку. Я хочу продать Вам картины." Опять сработали гены: "Я ничего не покупаю, предварительно не посмотрев." - "Ну что ж, если мы подождём, пока соседи уgomонятся, а это случится где-то в течение часа, я смогу Вам показать эти картины." Потом они в темноте поднимали какую-то доску в полу, из под которой старик извлёк рулон холстов. В комнате, при свете, Виктор разглядел, что эти холсты были покрыты какими-то детскими рисунками - светлыми линиями, похожими на лучи света, цветными квадратиками и треугольниками. "Старик сошёл с ума," - решил Виктор. "Так сколько Вы можете заплатить за это?" - спросил старик. "Встать, попрощаться и уйти?" - размышлял Виктор. - "Этот старик явно не в себе, может от голода. Надо бы ему помочь с едой." Решение созрело в его голове, - "Тысяча долларов." Старик был расстроен и разочарован: "Молодой человек," - сказал он. "Поверьте, это стоит намного больше. Я уже очень стар, и могу покинуть этот мир в любой момент. Больше всего я боюсь, что они достанутся этим." Старик кивнул головой вверх, на потолок. Виктор не понял, но на всякий случай не перебивал. - "Только поэтому, молодой человек, я отдам Вам эти картины за ту сумму, которую Вы мне предложили".

Выйдя от старика, Виктор поборол искушение выбросить свёрток в ближайший мусорный ящик, положил его в дорожную сумку, и, сопровождаемый той же удачей, что и во время всей поездки, вернулся во Францию. Через пару недель он заглянул в одну из галерей в районе бульвара Сен-Жермен и показал одну из картин. Галерейщик сразу же предложил ему триста тысяч франков за это произведения Малевича. Гены тунисских торговцев подсказали ему, что нельзя сразу соглашаться. Действительно, через неделю он смог выручить за эту картину примерно в десять раз больше. Остальные картины он положил в сейф в банке, а сам пошёл учиться на искусствоведа. Через пять лет он знал всё про русский авангард, открыл собственную галерею, и был одним из самых уважаемых мировых экспертов в русском искусстве.

Виктор перевёл дух. Время работы галереи подошло к концу. Виктор попросил разрешения закурить. Опять сладковатый дымок явно вызвал у Спутницы воспоминания об Амстердаме. Закурив, Виктор вдруг выпалил: "А теперь я на них смотреть уже не могу." - "На кого?" - "Да на этих антисемитов-французов. Нет не хочу я, чтобы мои дети росли в обстановке, похожей на то, что была у Вас в России. Всё, никому не говорил кроме самых близких, а Вам скажу. Я

покупаю дом в Натании. И так они меня здесь и видели. Оревуар, как говорится. Начну сначала, открою галерею. Может быть займусь археологией, у меня есть связи в этом мире." Оставив Виктору наш адрес и номера телефонов, мы тепло распрощались.

При выходе, во дворе, мы столкнулись с религиозным евреем, с бородой и в шляпе. Быстро оглядев нас, задержавшись цепким взглядом на мне, а потом на маленьком маген-давиде на шее Спутницы, он сказал "Шалом". Ещё по пути в галерею мы присмотрели небольшое бистро с каким-то морским названием, вход в которое был украшен моделью трёхмачтового фрегата, до которого нужно было идти метров триста. Так как было довольно холодно, мы заказали "ван шо" - горячее красное вино с корицей.

"Ты обратил внимание на этого еврея во дворе?" - спросила Спутница.

- "Еврей как еврей," - ответил я, - "Не хуже наших."

Спутница задумалась. - "Странно, разве религиозным евреям разрешено вставлять серьгу в ухо? Кстати, очень чистый изумруд! А этот жуткий акцент, когда он сказал нам "Шалом"? Ну просто "оле хадаш", ей Богу."

Горячее вино размягчало мозг и не давало сосредоточиться. Какой-то забытый образ всё ускользал и никак не хотел сфокусироваться. Я поднёс стакан с вином ко рту. Вино было ещё горячим, очки моментально запотели, и стакан дематериализовался, превратившись в набор лучей. Лучи суммировались на поверхности стола цвета светлого мрамора с серыми прожилками, образуя багряно-красный квадрат.